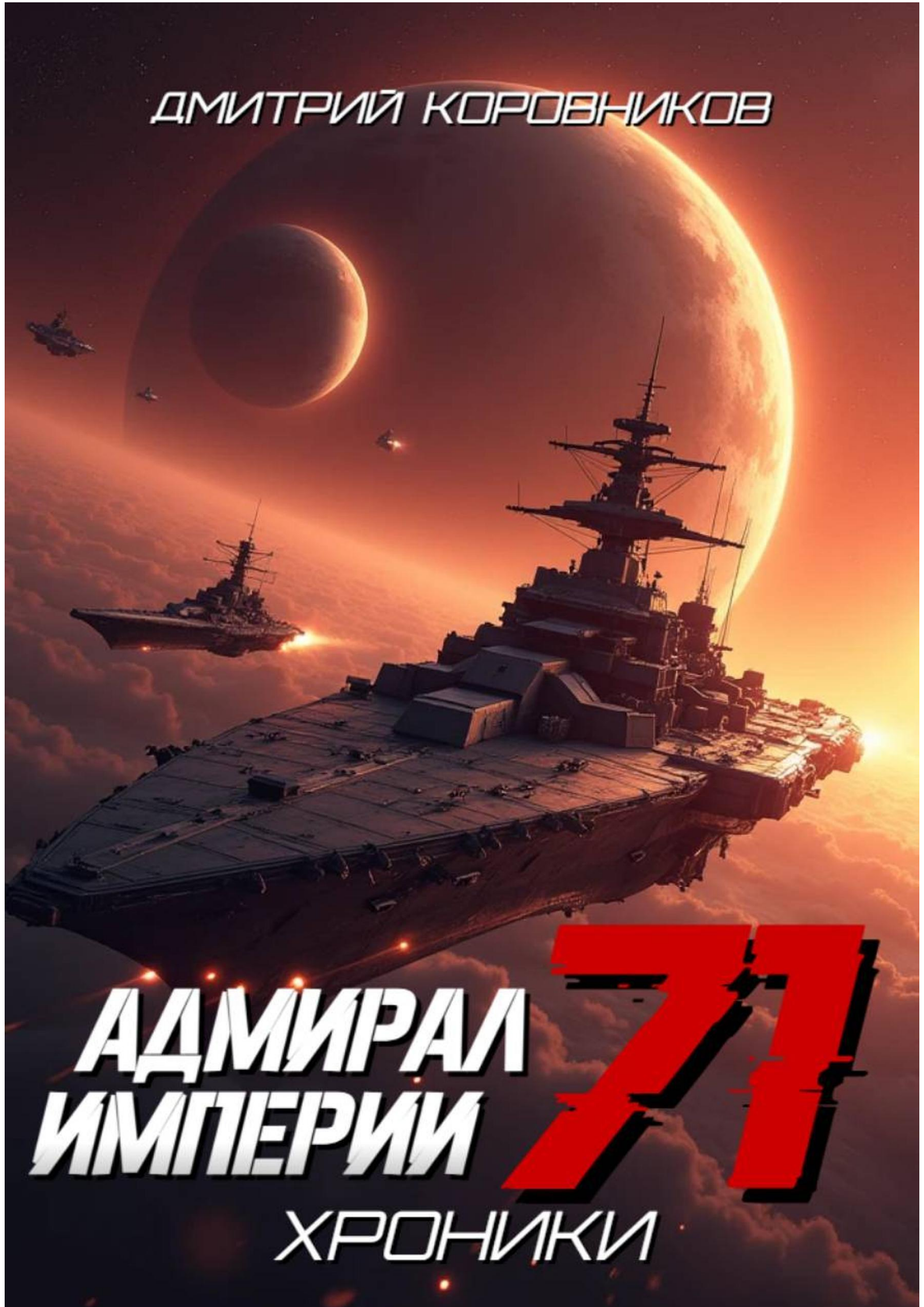

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

**АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ**

77

ХРОНИКИ

Дмитрий Коровников
Адмирал Империи - 71

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Адмирал Империи - 71 / Д. Н. Коровников — «Автор», 2026

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса: Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...» Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...» Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...» Согласитесь, не очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости. Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 71

Глава 1

Вопрос был задан безупречно светским тоном — так осведомляются у визитёра, не заждался ли тот в приёмной. Ни одной лишней ноты, ни намёка на дрожь. Я знал боевых адмиралов, которым подобное самообладание не давалось и к пятидесяти; государю оно досталось к восьми, и легче мне от этого не становилось.

Бой, на секунду замерший, так и не возобновился. Стволы остались подняты, клинки занесены, но всё это больше никуда не двигалось: несколько сотен вооружённых людей ждали продолжения разговора. Я, стоя на колене под прицелами, ждал вместе со всеми и ненавидел каждое мгновение этого ожидания.

Борисевич со своими успел добежать до государя и встал перед ним — не стеной даже, а крепостной башней старой постройки. По лицу генерала читалось: вниз он сегодня никого не уведёт, он это знает и этого себе не простит. Гадать, каким образом мальчик переспорил человека, которого за всю его службу не переспорил никто, включая коронованных особ, не требовалось. Довод стоял рядом и улыбался.

Полковник повернулся на голос неторопливо, всем корпусом. Спешить ему было некуда: резиденция взята, поле боя — за ним, остальное он, судя по осанке, относил к формальностям. Транслятор он отстегнул от горлового крепления и уронил на грудь — жестом, каким снимают за ненадобностью очки. Голос под забралом оказался собственный: низкий, в застывшей командирской хрипote, с тяжёлым вязким акцентом. Ради этого разговора он решил не пользоваться машиной. Уважение или гурманство, судить не берусь.

— Сам пришёл, — произнёс он. — А мои люди пол дворца перекопали.

— Возможно, искали невнимательно, полковник, — ответил Иван. — Я был дома.

Полковник пошёл через зал — вразвалку, переступая через обломки того, что пару минут назад именовалось моей обороной. Каждый шаг сообщал присутствующим, кто здесь распоряжается. Меня задело даже не движение, а интонация походки, если позволительно так сказать о походке: этот человек уже жил в скором донесении о взятии дворца своему адмиралу-паше. По дороге он поддел носком сапога чей-то выроненный ствол, проследил, как тот скользит по паркету, и не удостоил его вторым взглядом. У ближней колонны один из его людей вытянулся; полковник прошёл мимо, не заметив, — вельможи не здороваются с мебелью.

— Знаешь, кто я? — спросил он, остановившись в десятке шагов.

— Командир штурмового отряда, — сказал Иван. — Старший из посланных, судя по тому, как вас слушаются без слов.

— Умный мальчик. — Полковник качнул головой. — Меня предупреждали. — Он оглядел императора сверху вниз, как оценщик лот, о котором наслышан. — Мундир. Эполеты. Всё как на парадных портретах. Знаешь, сколько взрослых сегодня умерло, чтобы ты прожил лишний час?

— Знаю. Я считал. Полагаю, точнее вашего: своих вы не считаете, у вас это не принято.

Укол был не детский, и полковник его почувствовал: паузу он взял впервые не по собственному выбору. Из-под забрал за разговором следили сотни глаз. Ятаганы медленно остывали.

— У меня приказ, мальчик, — сказал он наконец. — Одна строка. Слова «взять живым» в ней нет.

Кто-то из наших рванулся с пола и получил прикладом поперёк спины. Иван даже не моргнул. Борисевич моргнул за двоих и начал набирать воздух — государь остановил его, тронув за обшлаг. Детская ладонь на генеральском рукаве; мне доводилось видеть письменные приказы, оформленные куда хуже.

— Я знаю, какой у вас приказ, полковник. Потому и вышел. Внизу — женщины, раненые и прислуга; к вашему приказу они отношения не имеют. Адресат у него один.

— Торгуешься. — Акцент делал его усмешку жирной, ленивой. — Романовы. Всегда торгуетесь, когда заканчиваются солдаты.

— Нет я не торгуюсь. Объявляю условия.

— Условия?! — Полковник рассмеялся неторопливо, со вкусом: так смеются шутке подчинённого, которого решено уволить. — Оглянись. Твой адмирал стоит на колене, и это его потолок на сегодня. Армия твоя — вон она, на полу, можешь пересчитать тела. Чем ты собрался ставить условия?

— Почему вы медлите? — спросил Иван Константинович.

Тишина в помещении сделалась другой. До сих пор она держалась на стволах; теперь — на любопытстве.

— Я? Медлю?

— Вы. Строка короткая, исполнителей — сотни, а вы стоите и разговариваете с ребёнком. Объяснить, почему? Приказ отдают будущему, полковник. У вашей строки будущего нет: тот, кто её исполнит, останется при ней навсегда. Султаны меняются. Такое — остаётся.

Он выслушал до конца, не перебивая, надо отдать должное. Потом повернул голову ко мне, словно приглашая разделить недоумение:

— И это в восемь лет?

— Девятый пошёл, — хрипло произнёс я, пытаясь шутить. А что ещё в этой ситуации оставалось делать?

— Смелые, — произнёс полковник, переводя взгляд с меня на государя и обратно, словно устанавливая родство. — Дом смелых. Знаешь, мальчик, чем кончают смелые? Их заносят в учебники.

— Знаю, — согласился Иван. — Я читаю учебники, полковник.

Вальяжность сошла с него одним слоем, как сходит позолота с дешёвого багета. Он не разозлился — распорядился; подозреваю, злость ему действительно не устанавливали.

— Взять. Мальчишку тащите ко мне. Целым. Остальных — как выйдет.

С места сошли десятка полтора — не толпой: грамотным веером, охватывая двери с двух сторон. Остальные развернулись довершать своё по всему помещению. Полковник остался, где стоял. Смотреть он собирался из партера.

Алексы тут же шагнули вперёд одновременно, как одна машина в двух корпусах. С этой секунды я перестал понимать, что именно вижу, а смотрел я, поверьте, внимательно.

О характеристиках серии я знал, как вы помните, не только из документации, которую писал Гинце. Густав Адольфович всю жизнь приbedняется в цифрах: ему приятно потом наблюдать лица заказчиков. Так вот, документация не лгала. Она многое недоговаривала.

Первого атакующего Алекс-1 встретил на середине замаха: перехват запястья, доворот — и янычар улетел в собственный строй, уже без ятагана и, судя по молчанию, без сознания. Ятаган остался у робота. Второго Алекс-2 принял на встречном движении и уложил прежде, чем я заметил сам удар. Дальше глаз перестал успевать и выхватывал только результаты: стоял человек в чёрном — лежит; заносился клинок — торчит в чужом сочленении; сомкнулись трое — разлетелись веером, и ни один не поднялся.

Это был танец. Слово из дамского романа, а точнее не подберу: связки перетекали одна в другую без швов, без паузы на решение. Хореограф у этого танца имел инженерное образова-

ние и полное отсутствие тяги к эффектам: ни единого лишнего жеста — только необходимые, зато все.

При этом роботы-телохранители ещё и держали рисунок вокруг государя, как вокруг оси: куда бы ни смещалась свалка, Иван оставался в её геометрическом центре, и ни один клинок или штык не пересёк невидимой черты. Раненого гвардейца, осевшего у самой этой черты, Алекс-2 мимоходом задвинул себе за спину — движением, каким убирают ценную вещь с края стола.

Рядом, у дверей, старомодно и насмерть дрались гвардейцы охраны государя. Борисевич орудовал винтовкой на манер оглобли, а голосом — на манер второй; не возьмусь определить, что наносило противнику больший урон. Государь стоял за их спинами ровно там, где встал. Он не пятился. Мне было бы спокойнее, если бы пятился.

Куча тел перед Алексами росла, и это не оборот речи. Им приходилось смещаться: прежняя позиция исчезала под завалом чёрной брони. Янычары, отдам им должное, не дрогнули ни разу — шли и шли, через своих, с упорством прибоя. Из анфилады подтекали новые. На место каждого уложенного вставляли двое, на место двоих — четверо. Безупречная механика не переигрывает геометрическую прогрессию.

Полковник видел то же, что и я. На один короткий миг мне почудилось на его сухом лице то, чего там быть не могло, профессиональная зависть старого мастера к чужой безупречной работе. Потом это стёрлось, как стирают черновик.

— Мальчишку — сюда! — громче повторил он, и от вельможной лени в голосе не осталось ничего. — Железо задавить массой! Виснете на них!

Массой и числом. Против этих двух доводов возражения серии «Алекс» кончались — не сразу, но кончались, и я видел, как это начинается. Алексов перестали рубить и начали облеплять: наваливаться по трое, по пятеро, виснуть на руках, платя суставами и сознанием за полсекунды связанного движения. Полсекунды там, полсекунды здесь. Танец тяжелел.

Алекс-1 первым потерял темп: на нём висело уже пятеро, шестой бил прикладом по коленному узлу — размеренно, как забивают сваю. Робот ещё стряхивал их — по одному, с хрустом чужой брони, но на каждое стряхивание уходило то, чего у него больше не было в избытке, — время.

Мои конвоиры смотрели туда же, куда и все. Стволы поплыли в сторону на палец, на два. В трёх шагах, под телом хозяина, лежал ятаган — рукоятью ко мне. Здравый смысл доложил, что с моим боком и моей ногой правильный образ действий лежать смирно. Я поблагодарил его за долгую службу и уволил без выходного пособия.

До ятагана я добрался перекатом; нога взвыла, бок подхватил, хор вышел слаженным. Рукоять легла в ладонь чужой тяжестью, лезвие вспыхнуло со второй попытки. Ближний конвоир обернулся на движение, но поздно: плазменный росчерк снял его поперёк корпуса. Второй успел вскинуть ствол; я ушёл под выстрел и ткнул снизу, в стык, он сложился, накрыв собственное оружие. Третьего, подоспевшего на шум, я встретил из положения, которого нет в наставлениях, а в жизни оно называется «с пола, с локтя, с последней злостью». Получилось и это. Втроём они легли вокруг меня неопрятным натюрмортом, и на одно короткое мгновение мне показалось, что будущее ещё можно доработать.

Мгновение кончилось. Пришёл полковник.

Стрелять он не стал — вероятно счёл это расточительством. Он забрал ятаган у ближайшего бойца, отстранив того ладонью, и пошёл на меня сам — впервые за день делая что-то собственными руками. Двигался он скверно для вельможи и превосходно для своего возраста: коротко, сухо, без единого лишнего сантиметра. Нам хватило двух ударов. Первым он проверил мою руку — и понял про неё всё; вторым, обратным, выбил клинок так грамотно, что онемение дошло до локтя. Третьего удара не было, последовал небрежный толчок сапогом в раненое бедро, и пол принял меня, как старого знакомого.

— Лежи, адмирал, — сказал полковник почти дружелюбно. — Ты своё отвоевал. Посмотри, чем всё заканчивается.

Я посмотрел. Лучше бы не смотрел.

Алекс-1 тонул под грудой: его облепили целиком, по конечности на пятерых, и груды шевелились изнутри — он работал даже под весом дюжины тел, но это была уже не хореография, это была глухая борьба. Алекс-2 ещё держался на ногах, вычерчивая вокруг государя сужающиеся дуги, и на каждой дуге на нём прибавлялось висящих. Гвардейцев охраны втаптывали в пол по одному. Борисевича брали, как берут медведя, всем весом, вчетвером; судя по доносившемуся, он и под ними продолжал высказывать Порте всё, что накопил за день.

А к Ивану уже тянулись руки. Чёрные перчатки, локти, плечи — через головы своих, через спины, через шевелящуюся груды. До мундира с золотыми эполетами оставалось два человека. Потом один. Потом — половина вытянутой руки. Кто-то в чёрном уже кричал о награде. Меня к тому времени снова держали — колено на лопатках, ствол у затылка, и единственное, что мне оставалось делать в поддержку монархии, в бессилии скрипеть зубами.

Государь стоял прямо. Смотрел он не на руки — поверх них, в глубину тёмного коридора за своей спиной, и на лице его не было ни страха, ни торжества. Одно ожидание. Спокойное, со сверенными часами.

Больше я не мог ничего. Впервые за весь этот день — действительно ничего. Я лежал на затоптанном паркете, смотрел, как чужие пальцы дотягиваются до моего императора, и ненавидел математику всей душой, на какую ещё был способен.

Неожиданно проём за спиной государя взорвался движением.

Из темноты, оттуда, где начинался спуск в подвалы, в помещение влетели фигуры — одинаковые, стремительные, в исполнении, которое я сегодня уже видел. Вторая, пятая, десятая; на второй дюжине я сбил. Они входили в толпу янычар, как гребень входит в спутанные волосы, — и за каждой оставалась просека. Чёрную броню не оттесняли, а просто сметали: с ятаганами, щитами и уверенностью вместе. Волна шла через помещение ровно и неостановимо, в том самом ритме, которому я уже подобрал сегодня слово из дамского романа. Теперь его танцевали десятки.

Полковник что-то крикнул — уже в транслятор, машинным голосом: живой на такие новости, видимо, рассчитан не был. Строй янычар у дверей попытался развернуться навстречу волне. С тем же успехом можно разворачиваться навстречу приливу.

Я был уверен, что серия «Алекс» — это три машины на весь обитаемый космос, не считая моей Алексы.

Но, как выяснялось, Густав Адольфович снова приbedнялся в цифрах.

Глава 2

Моих конвоиров не стало в первые же полторы секунды.

Я не разглядел, как именно это произошло. Только что колено вжимало меня в паркет, а ствол грел затылок, и вот давления нет, а слева, один поверх другого, лежат оба владельца этих предметов, уложенные без размаха и без злобы, как складывают инструмент, которым ещё собираются пользоваться. Серая фигура, сделавшая это, находилась уже в трёх метрах дальше и занималась следующими. Для неё эпизод был проходным. Для меня — первым за час подарком судьбы, и я принял его без ложной скромности.

До стены я добрался на локтях, волоча ногу и придерживая бок. Со стороны это, вероятно, выглядело жалко; изнутри ощущалось ещё хуже. Зато от стены открывался обзор, и обзор этот стоил дороже любой логи императорского театра.

Волна серых фигур, войдя в зал, раскрылась веером, настаивая на этом слове, хотя употребляю его второй раз за вечер: раскрытие было именно веерным, с расчётом, с перекрытием секторов. А дальше началось то, чему в моём военном лексиконе термина не нашлось. Ближайшее по смыслу слово — демонтаж.

Строй янычар они прошли насквозь, не задержавшись возле него ни на такт. Чёрная броня, полдня ломавшая мою оборону, вскрывалась на сочленениях с первой попытки. Алексы, а это были именно Алексы, вернее их «единокровные» братья-близнецы, работали однообразно до жути: перехват, излом, обезоруживание. Рубили суставы, выбивали клинки из ладоней; тела и дух противника их не занимали вовсе. Локоть, колено, запястье. Человек с разбитым локтем перестает быть боевой единицей и становится статистикой, и статистику эту складывали на пол десятками.

И они были одинаковые до последнего движения. Ни одного личного решения на весь отряд: атаку, начатую одним, заканчивал другой, а третий уже стоял там, куда противник только собирался отступить. Мне доводилось командовать соединениями, где капитаны кораблей понимали друг друга с полусигнала; я гордился этим и, как выяснилось, зря. Здесь друг друга не понимали. Здесь друг другом были.

Борисевича раскопали походу: двое серых сняли с генерала его противников по одному, за ворот, не глядя, и двинулись дальше, не приняв благодарности. Генерал поднялся, нашёл взглядом государя, потом винтовку, потом выразился — коротко, ёмко и не для печати. Я был согласен с каждым словом.

Полковник янычар оценил обстановку быстрее собственных людей — отдаю ему должное во второй раз, и оба раза через силу. Его осипший голос перекрывал лязг и требовал единственного, что могло изменить картину: строя. Орты — к колоннам. Щиты сомкнуть. Фланги — свернуть, работать тройками. Команды были правильные, поданы вовремя и твёрдо.

Но их никто не выполнял.

Строй — это договор: я прикрываю локоть соседа, потому что верю, что сосед прикрывает мой. Вера в этом зале закончилась примерно на втором десятке уложенных. Сотни янычар, которых полковник пытался собрать в кулак, существовали теперь только в его командах — в зале вместо них уже была толпа, а толпа не воюет. Толпа шевелится и убывает.

Боем происходящее не назвать. Бой предполагает обмен: ты платишь, тебе платят, торг идёт до последнего. Здесь платили в одну сторону. Избиение — вот правильное слово, избиение на скоростях, на которых глаз перестаёт годиться в свидетели: мне доставались начала движений и их последствия, середину не показывали никому.

Один эпизод я всё же увидел целиком, вероятно, потому, что смотрел в ту сторону раньше, чем он начался.

Янычар у дальней колонны опустил за тела своих — не как раненый: раненые падают иначе, без бережности. Этот лёг с умыслом. Переждал накат, дал серым фигурам пройти дальше и приподнялся с пистолетом в вытянутой руке. Ствол смотрел туда же, куда весь вечер смотрело всё в этом здании, на мальчика в парадном мундире.

Я закричал. Вернее, собрался: между решением и звуком у человека лежит вечность длинной в четверть секунды.

Алексу-1 эта вечность не понадобилась. Он двигался в противоположную сторону и окзался у колонны раньше моего крика. Перехват вытянутой руки, хруст запястья я расслышал со своих двадцати метров. Выстрел ушёл в потолок, осыпав зал штукатуркой. Пистолет остался в серой ладони. Стрелок лёг замертво поверх тех, за кем прятался.

Государь не повернул головы. Не вздрогнул, не сбился с дыхания — ничего. Я знал ветеранов десантных операций, приседавших от хлопка двери; мальчик выслушал выстрел так, словно штукатурка осыпалась в каком-то другом, постороннем дворце...

К этому времени от вошедших в зал сотен янычар боеспособной оставалась в лучшем случае половина, и половина эта на глазах превращалась в треть. Полковник произвёл перерасчёт раньше меня, подозреваю, он не прекращал его ни на секунду, и сделал единственное грамотное, что ещё оставалось в меню: отступил.

К дальней колонне, спиной к камню, с десятком штурмовиков и, судя по слаженности, лучших. Щиты сомкнулись в полукруг, ятаганы легли поверх кромок, и посреди разгрома образовался островок дисциплины. Эти десять держали строй — последний строй Порты в этом здании и держали его безукоризненно. Я смотрел на них со сложными чувствами. Только что эти люди убивали моих. Сейчас мне было почти горько наблюдать, как заканчивается чужая выучка.

Алексы не стали разбирать островок общей массой. Двое вышли из рисунка боя, и я узнал их прежде, чем разглядел: один заметно берёт битый коленный узел, второй держался к государю ближе, чем того требовала тактика.

Работали они одновременно и с двух сторон, как одна рука двумя пальцами. Алекс-1 принял на корпус два плазменных росчерка, шагнул внутрь полукруга и выбил у полковника щит — тот улетел за колонну вместе с куском крепёжного ремня. Алекс-2 в ту же долю секунды подскочил опорную ногу. Полковник упал — и не остался лежать: перекатом ушёл от добивающего, поднялся с ятаганом в руке и встал в стойку, которой я не видел лет пятнадцать. Старая школа, из тех, что не преподают, а наследуют.

И дальше случилось то, чего за весь вечер не сумел никто: он попал.

Финт нижним уровнем, перевод — и плазменное лезвие прошло Алексу-2 по предплечью. Кожух вскрылся, из-под серого блеснуло внутреннее устройство, рука машины начала двигаться скупее. Не скажу, что робот пошатнулся, эти не шатаются. Но отметина осталась, и одна она стоила всей сегодняшней битвы. За весь штурм — я проверю это позже, и проверка ничего не изменит — это оказалось единственным повреждением, которое люди сумели нанести серии «Алекс». Одна вскрытая крышка кожуха — цена, в которую лучшая пехота султана обошлась машинам Гинце.

Полковник дрался с двумя машинами одновременно и почти четыре секунды оставался в полном смысле слова жив. Про мои отношения с математикой вы уже знаете; эти четыре секунды — единственное, что она мне сегодня подарила.

На пятой Алекс-1 ударом манипулятора выбил ятаган, оружие ушло через полкомнаты и воткнулось в спинку опрокинутого кресла, а затем коротко, без замаха, сложил полковника на колени и зафиксировал ему руки за спиной. Замок был аккуратный. Почти бережный. Так держат не врага, а вещественное доказательство.

Остальной десяток к этому времени лежал вокруг колонны ровно там, где стоял.

Зал стихал толчками. Где-то в дальнем углу ещё возились и тут же кончили возиться. Стонали раненные, на двух языках, одинаково. Потрескивала плазма в брошенных клинках. Из тех, кто вошёл сюда за полковником, на ногах оставалась едва четверть, и эта четверть медленно, всем множеством, пятилась от серых фигур к стенам.

Государь пошёл через зал. Дорогу ему выбирать не пришлось — дорогу делали: Алекс-2 двигался на полшага впереди, и там, где он проходил, чёрная броня подавалась назад сама. Возле меня государь замедлился на долю мгновения, взгляд скользнул по моему боку и прошёл дальше. У меня осталось стойкое ощущение, что меня внесли в какой-то список.

К полковнику он подошёл вплотную — ближе, чем позволила бы любая охрана любой империи. Стоящий на коленях командир и стоящий на ногах мальчик оказались почти вровень. Глаза в глаза.

— Итак, вы пришли за мной, полковник, — сказал государь. — Я перед вами.

Полковник поднял голову. Долгую секунду он смотрел мальчику в лицо — искал там, полагаю, то же, что весь вечер искал я, и с тем же успехом. Потом опустил. У людей его породы это движение стоит дороже иного ранения.

— Ваша взяла, — глухо сказал он. — Прошу пощады. Не для себя. Для тех из моих людей, кто ещё жив.

Он показал пустые ладони

— Сложить оружие. Всем. Немедленно.

Я ждал, что не подчинятся. Их оставалась ещё толпа — озлобленная, вооружённая, загнанная. Но янычара подчинились сразу. Ятаганы и винтовки сложились на паркет вразнобой, с дребезгом; щиты падали плашмя. Люди, пришедшие сюда резать, стояли среди своих мёртвых и не отрывали глаз от серых фигур, из которых их командир — лучший из них, сумел одну лишь поцарапать. Арифметика сражения вышла людоедской: сотни лучших штурмовиков Османской Империи за единицу, и единица осталась в строю. Против такой арифметики не бунтуют. Под неё ложатся.

Я облегчённо выдохнул. Помню это отчётливо — потому что выдох оказался преждевременным.

Государь стоял над полковником и молчал. Молчание длилось, и в нём копилось что-то, чему я тогда не подобрал имени. Зал ждал. Даже раненные, кажется, стонали вполголоса.

— Пощады, — произнёс наконец государь, будто пробуя слово на вес. — Скажите, полковник. Когда ваши янычары входили в мою резиденцию и зачищали её от защитников — сколько раз вы слышали это слово?

Полковник не ответил.

— Его говорили вам женщины. Старики. Пленные, которых уже разоружили, — как вас сейчас. Я знаю, что вы оставляли после себя. Вы не оставляли ничего.

— Это война... — начал полковник.

— Война, — согласился государь. — Именно. Поэтому — горе побеждённым!

Он отступил на шаг — спокойно, как заканчивают аудиенцию, и звонким голосом произнёс:

— Уничтожить. Всех.

Четверть секунды — та самая вечность между решением и звуком ушла у меня на неверие. Показалось. Ослышался. Мальчик, вышедший под ятаганы, чтобы прикрыть собой раненных и прислугу, не мог сказать того, что я услышал.

Не показалось. Снова не показалось...

Серые фигуры двинулись одновременно — одной машиной, которой они и были. Без ускорения, без ярости, рабочим ходом. Безоружные у стен поняли всё раньше меня: по залу прошёл звук, которого я не слышал ни в одном бою, общий, низкий, утробный.

Я приподнялся на локте. Бок немедленно выставил счёт; я не стал его оплачивать. Мне было необходимо видеть. Не из любопытства, а из отказа верить собственным глазам.

Полжизни я провёл на войне. Я видел, как умирают, — во всех вариантах, предусмотренных уставом, и в десятке тех, что не предусмотрены. Я убивал сам, больше, чем хотел бы помнить. Но я не видел, чтобы сложивших оружие разбирали строем: деловито, по разнарядке, в том же безупречном ритме, в котором несколько минут назад защищали ребёнка. Танец никуда не делся. Сменился только репертуар.

Полковник до последнего не отводил взгляда от государя. Что было в этом взгляде, я не разобрал — далеко, дым, глаза слезились. Вероятно, к лучшему.

Я открыл рот — сказать что-нибудь уставное, спасительное, любое. «Ваше величество, так не ведут войну». «Ваше величество, они сдались». Из горла вышел хрип — больной бок добрался наконец до моего голоса. Впрочем, моих реплик в этом зале никто и не ждал, и меньше всех — восьмилетний человек, отдавший приказ.

Уцелевшие побежали. К дверям анфилады, в проломы, топча своих, бросая шлемы, на бегу срывая знаки орт — как будто это могло помочь. Паника — единственная команда, которая не нуждается в трансляторе и исполняется без репетиций. Алекс-1 повёл манипулятором — жест был короткий, служебный, каким отпускают дежурную смену, тут же десяток серых фигур снялся с места и ушёл следом, в двери, в темноту.

Добивать.

Борисевич стоял у дверей, уперев приклад в пол, и смотрел под ноги. После только что увиденного генералу нечего было сказать.

Государь уже шёл ко мне через зал, и я смотрел на него, вероятно, неправильно — потому что, подойдя, он присел рядом на корточки, по-детски, и заглянул мне в лицо снизу, как заглядывают взрослому.

Взгляд его прошёл по мне с внимательностью врача и скоростью писаря, принимающего опись.

— Не шевелитесь, Александр Иванович, — сказал он. Голос был прежний: ровный, звонкий. — Вам нельзя. Врачи скоро будут. Вы мне нужны живым.

Он по-отечески положил руку мне на плечо. Я подчинился...

Глава 3

Доклад пришёл в шестнадцать сорок по местному времени, и первые секунд десять Птолемей Граус искал в нём опечатку.

Слова были короткие, знакомые по отдельности и немыслимые вместе. «Сводный штурмовой отряд Порты уничтожен. Полностью». Не «понёс тяжёлые потери», не «отброшен», не «запрашивает поддержку» — те формулировки первый министр уже научился читать по диагонали. Уничтожен. Полностью. Отборная пехота султана, которую час назад грузили в десантные боты под завывание корабельных сирен, перестала существовать за следующий неполный час в здании, чей гарнизон штабисты накануне обозначали словом «горстка».

Граус перечитал донесение дважды. Опечатка не находилась.

— Подтверждение, — сказал он, не оборачиваясь.

— По двум независимым каналам, ваше высокопревосходительство. — Варенцов держался на полшага позади; голос у капитана «Агамемнона» был тот самый, нейтрально-ровный, каким он много лет доставлял дурные вести людям, не умеющим их слышать. — Третий канал молчит. Полагаю, отвечать по нему уже некому.

Мостик флагмана работал вполголоса. Операторы сидели прямее обычного, вахтенные сверялись с экранами чаще, чем требовала вахта, и ни один человек не смотрел в сторону первого министра — верный признак того, что смотреть хотелось всем. Птолемей ценил свой мостик именно за это. Страх здесь был вышколенный, дисциплинированный, застёгнутый на все пуговицы.

Собственный страх он пока не классифицировал. Отложил, как откладывают письмо с неприятным обратным адресом: вскрывать придётся, но не при свидетелях.

— Генерала Каткова, — распорядился он. — С поверхности. Немедленно.

Соединение дали через минуту, и минута эта окупилась сполна.

Экран развернулся рваным, прыгающим кадром: коридор, дым, спины в штурмовой броне цветов первого министра. Генерал, командующий планетарными частями, человек, бравший укрепленные районы на многих планетах, смотрел с экрана так, как не смотрел ещё никогда. Каска сидела криво. По виску тянулась кровь.

— ...повторяю: мы атакованы!.. — Связь резала фразы, как торопливый цензор. — Роботы. Андроиды, модель не опознана, в каталогах серия не значится... Они прошли сквозь нас. У меня рота держала лестничный марш. Роты нет. Полторы минуты — и роты нет, ваше высокопревосходительство...

Титул генерал выговорил одним словом, скороговоркой. Человек на четвёртом десятке лет службы начал экономить слоги; Граус отметил это той частью рассудка, которая ведёт протокол при любой погоде.

— Сколько этих... машин? — спросил он ровно.

— Подсчитать невозможно... они не различаются! Темп нечеловеческий, стрелковое их не берёт... — Генерал обернулся за кадр, и стало слышно, как он сглатывает. — Докладываю: подразделения выходят с линии соприкосновения. Это не манёвр, это бегство. Я не могу их остановить и не уверен, что хочу...

Кадр дёрнулся. В глубине коридора, за спинами, мелькнуло серое — один раз, на полсекунды, без подробностей.

Связь оборвалась и больше не восстановилась.

Граус смотрел в погасший экран дольше, чем позволял себе на людях. Серый цвет он уже видел. В другом подземелье, на другой планете, среди собственных мёртвых операторов, под улыбку машины, которой улыбаться не полагалось по конструкции. Тогда его вытащили двадцать гвардейцев Волохова. За янычарами султана сегодня не пришёл никто.

— Гинце, — произнёс Птолемей вслух, на пробу.

Фамилия легла в картину, как ключ в замок. Профессор. Корпорация «Имперские КиберСистемы». Безымянная серия. Мальчик в резиденции не был чудом света. Мальчик был инвестицией, и сегодня инвестор предъявил доходность.

— Дежурный по связи, — окликнули из боевой части; голос молодой, старательно спокойный. — Сводка по поверхности. Подразделения первого министра отходят от резиденции по всем направлениям. Централизованного управления нет. Потери уточняются. Резиденция и прилегающие кварталы под контролем... — пауза вышла короткая, но Граус её расслышал, — ...противника.

Противника. Ещё совсем недавно это слово означало кучку недобитков во главе с восьмилетним ребёнком. Слова, отметил Граус, приспосабливаются к обстановке быстрее генералов.

— Понятно, — медленно сказал первый министр. — Капитан Варенцов, орбитальный эшелон держать, курс без изменений. И освободите канал союзной связи.

— Ожидаете вызова, ваше высокопревосходительство?

— Ожидаю крика.

Крик пришёл минуты через четыре.

Керем Рейс ворвался в экран, как входят в чужой дом с обыском.

Граус видел старого османа разным. Вкрадчивым учеником за плечом Бозкурта. Невозмутимым триумфатором в час, когда того же Бозкурта объявляли предателем, — с лицом человека, у которого совесть и арифметика давно подписали мировое соглашение. Видел методичного флотоводца, двигавшего дивизию, как двигают мебель: без спешки и без зазора. Таким, как сейчас, он не видел его никогда.

— Мои янычары! — Титулы и приветствия сгорели где-то по дороге. — Все. Все до последнего, в одном здании! Я сам начинал в абордажных командах. Я знаю, сколько лет растят одного такого бойца и чего он стоит. Их вырезало железо!

— Мне уже доложили, — спокойно сказал Граус.

— Доложили! — Голос адмирала-паши сорвался на верхней ноте и вернулся вниз, страшнее прежнего. — Тогда вам доложили и остальное. Ваша пехота бежит из квартала. Моей больше нет. Между моими орудиями и этим зданием не осталось ничего, кроме воздуха. Я требую: орбитальный залп по резиденции. Немедленно. По всему квадрату. Я хочу видеть на месте этого дворца геометрически правильную яму!

Граус выдержал паузу. Не ради эффекта — эффектами он кормил Сенат, а потому что думал. Думал он быстро: единственное упражнение, в котором первый министр не изменял себе никогда.

Залп действительно решал всё. Мальчик, машины профессора, свидетели, само здание с его неудобной символикой — один накрывающий удар главного калибра превращал весь этот список в примечание. Соблазн был крупный и наглядный как витрина ювелирной лавки.

И опять-таки неприемлемый. По двум причинам, из которых Птолемей Граус, как всякий опытный администратор, собирался озвучить только вторую.

Первая называлась историей. В историю входят по-разному: регентом, спасителем отечества, на худой конец государственным мужем, трагически непонятым современниками, — все эти двери Граус держал для себя открытыми и смазанными. Человек, отдавший приказ сжечь восьмилетнего императора вместе с дворцом, входит через другую дверь, одну-единственную, и она захлопывается навсегда, без права на редактуру. Цареубийце не прощают даже победы. Победы — в первую очередь.

Вторая причина в эту минуту ротами и взводами бежала по кварталам вокруг резиденции, бросая тяжёлое снаряжение. Накрывающий удар сжёг бы отступающих вместе с против-

ником, и этого первому министру не простили бы уже не историки, а собственные экипажи. Историки хотя бы работают медленно.

— Нет, — сказал Граус.

Рейс замер, будто налетел на стекло.

— Что — нет?

— Огня пока не будет, адмирал-паша. Мои подразделения выходят из зоны поражения. Отход неуправляем, маршруты не заданы, люди рассеяны по всему административному сектору. Любой удар по резиденции сейчас — удар по ним. Я не сожгу собственные войска. — Он дал голосу похолодеть на градус. — В Империи такая щепетильность считается старомодной, но я, видите ли, консерватор.

— О, эта ваша щепетильность! — Рейс подался к самому экрану. — Ваша пехота побежала первой, господин первый министр. Моя осталась лежать. Не говорите мне о щепетильности — вы, купивший меня, как покупают лошадь.

— И заметьте, не торговался, — парировал Птолемей.

Секунды три адмирал-паша молчал. За его спиной, на мостике «Барбароса Хайреддина», кто-то монотонно, по-турецки, дочитывал сводку потерь; судя по тому, как темнело лицо старика, список ещё не кончился.

— Мне нужна эта резиденция, первый министр, — произнёс наконец Рейс, и хрип в его голосе был уже не от ярости. — Мне нужен этот мальчик и это железо, которое он прятал. Мне нужно послать домой, в Порту, хоть что-нибудь, кроме списков погибших. Вы понимаете? Хоть что-нибудь.

— Я вас прекрасно понимаю, — сказал Граус.

Редкий случай: он не солгал.

Он сцепил руки за спиной и некоторое время смотрел мимо экрана — на тактическую сферу, где над синим шаром планеты висели ровные строчки османских отметок.

— Однако, — произнёс он.

Рейс поднял голову. Тридцать лет этот человек прослужил под началом тех, кто не договаривает, и слово «однако» умел слышать всем корпусом.

— Однако?

— Ваши корабли стоят на орбите, адмирал-паша. Орбита — это далеко: сотни километров вакуума между вашим гневом и его причиной. Атмосферная позиция сокращает полётное время до неприличия. — Граус говорил размеренно, тоном лектора, диктующего под запись. — Введите свою дивизию в атмосферу. Займите эшелон над столицей. Проведите... учения. И будьте готовы ко всему.

— К чему именно?

— Ко всему, — повторил Птолемей Граус с удовольствием человека, нашедшего юридически безупречную формулировку. — Через полчаса, самое большее через сорок пять минут, последние мои подразделения покинут нужный сектор. Зона поражения опустеет. Что станет делать командующий Южным космофлотом со своей готовностью после этого — вопрос его компетенции. Я не командую флотом Порты, адмирал-паша. А также не отдаю ему приказов. И, что мне особенно дорого, не отвечаю за его решения.

Наступила пауза. Керем Рейс был в ярости, но ярость у людей его выучки не отменяет слуха. Старик услышал всё: предложение, конструкцию вокруг предложения и заботливо приготовленное алиби — не для себя.

— Самостоятельно, — повторил он наконец, медленно, по слогам, как читают мелкий шрифт в чужом договоре.

— Совершенно самостоятельно.

— Когда-нибудь, Граус, вы составите бумагу, — сказал адмирал-паша почти спокойно, и это спокойствие нравилось первому министру куда меньше давешнего крика. — Она будет безупречна. По ней вас и повесят.

— Возможно, — согласился Птолемей, пожимая плечами. — Но составлять её буду я. Меня устраивает такое разделение труда.

Рейс задержался на экране ещё секунду — с ненавистью, с пониманием и с той особой брезгливой благодарностью, какую испытывает человек, получивший желаемое из рук, которых не стал бы пожимать.

— Дивизия войдёт в атмосферу через двадцать минут, — сказал он и оборвал связь сам, не прощаясь.

Варенцов возник рядом прежде, чем погас экран, капитан выучился появляться в паузах.

— Ваше высокопревосходительство. Осмелюсь уточнить: если османы откроют огонь по резиденции... там же государь.

— Там мятежники, захватившие правительственное здание, капитан, — ответил Граус, не отводя глаз от тактической сферы. — Остальное установит комиссия. Я лично прослежу, чтобы она работала тщательно. И долго.

Варенцов наклонил голову и отошёл к своим операторам. Вопросов у него больше не было; у людей Грауса вопросы заканчивались быстро — это входило в условия найма.

Про себя первый министр уже составлял завтрашнее обращение. Трагическая гибель юного государя... нет: злодейское убийство законного императора озверевшим от потерь османским командованием, действовавшим вопреки прямому и документированному запрету главы правительства. Скорбь. Общеимперский траур. Виновные понесут наказание — виновные предусмотрительно находились на чужих кораблях, под чужим флагом и вне имперской юрисдикции. Текст складывался сам, абзац за абзацем. Лучшие свои бумаги Граус всегда сочинял загодя.

Через двадцать одну минуту, пунктуальность старика Граус оценил, первые отметки османских кораблей поползли вниз с орбитальных эшелонов.

Он вывел на главный экран картинку с поверхности и больше от неё не отрывался. Корабли Порты сходили с орбиты тяжело и неотвратно, как сходит лавина, которой некуда спешить. Линкор не создан для неба: он создан для пустоты, где нет ни верха, ни низа, ни свидетелей. Втискиваясь в атмосферу, машина такого тоннажа оскорбляет собой всю науку о полёте разом, и науке приходится терпеть. Воздух горел на бронированных скулах, за каждым корпусом тянулась дымная борозда, и скоро небо над столицей оказалось расчерчено ими, как страница — линейками. Написанного на странице ещё не было. Почерк уже угадывался.

Камеры наружных постов показывали одно и то же: замершие перекрёстки, задранные подбородки, экипажи, вставшие посреди улиц. Городам не нужно объявлять военное положение. Города считают его с неба.

«Барбарос Хайреддин» шёл во главе. Флагман Рейса продавился сквозь облачный слой, грузный, обросший орудийными палубами, встал над центральными кварталами и завис, накрыв их тенью размером с площадь. Остальные вымпелы расходились от него по эшелону, разбирая сектора над правительственной частью города. Двигатели держали десятки тысяч т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.